

КРОКОДИЛ

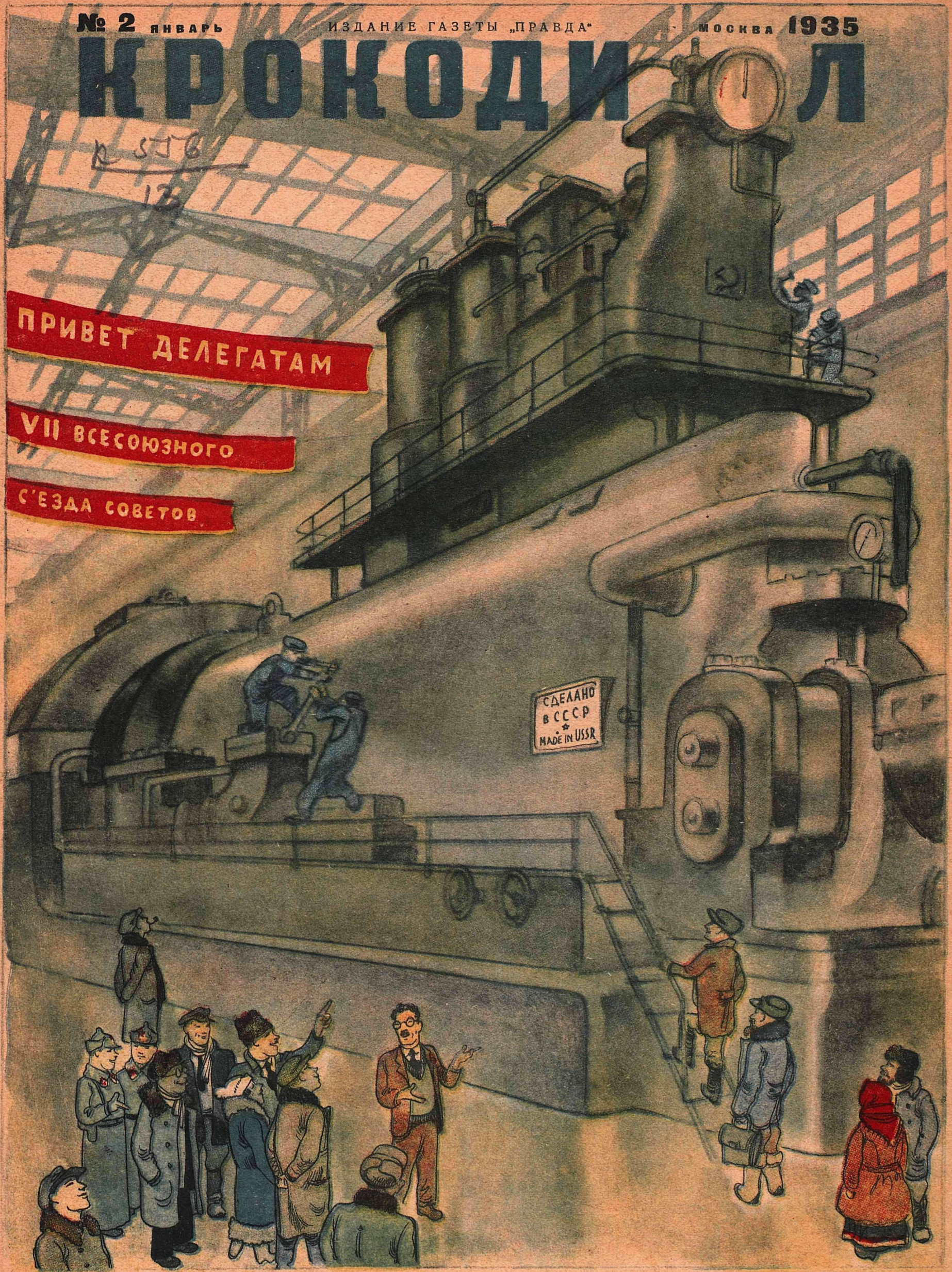
К 556
126

ПРИВЕТ ДЕЛЕГАТАМ

VII ВСЕСОЮЗНОГО

СЪЕЗДА СОВЕТОВ

СДЕЛАНО
В СССР
MADE IN USSR

ЦЕННАЯ ДЕТАЛЬ

— Что вам больше всего понравилось в этой машине, товарищи делегаты?
 — Все, товарищ директор, а особенно вот эта дощечка с надписью.

Рис. М. Храпковского

ИХ ПРОПАГАНДА

Обычный немецкий ресторан. Картонные диски для пивных кружек. Плотный дым сигар. Непременные герои Гросса, которые к концу вечера багровеют от количества проглоченных кружек и от избытка патриотических чувств. Над входной дверью — флаг со свастикой. Ошибиться трудно, и попал я сюда не по ошибке: мне хотелось побывать в гостях у саарских гангстеров. Войдя, я

не поднял руки и не сказал: «Хайль Гитлер». Это заинтересовало патриотов. Один из них подошел ко мне и угрюмо спросил:

— Вы француз?

— Я ответил, снисходительно улыбаясь:

— Нет, что вы, я испанец.

Тогда патриот восторженно захохотал, обдав меня запахом сола и брызгами слюны.

— Ха-ха! Здорово вы расправились с вашими марксистами! Потом хорошо, что вы прикончили Каталонию — это все французские штучки!

Я вытер лицо и согласился. Патриот стал жаловаться. Эти французы из «Лиги наций» распустили рабочих! Не угодно ли, у него шляпная мастерская, и рабочие требуют к рождеству наградных. Они грозят забастовкой. А перед праздниками время горячее. Но 14 января мы поговорим с этими бездельниками! Возле Гамбурга уже намечен большой концлагерь...

Шофер такси говорил мне:

— 14 января мы расправимся с капиталистами. Гитлер за новый строй. Гитлер за рабочих. Он против капитализма.

Я спрашиваю:

— А Рехлинг? Может быть, он тоже против капитализма?

— Рехлинга мы выкинем, как только победим. Тогда-то у нас будет настоящий немецкий социализм.

Фашист увещевает рабочего:

— Если ты коммунист, ты должен голосовать за присоединение к Германии. Так твоя КПП будет сильней. И потом, разве это по-товарищески: они там в тюрьмах сидят, а вы хотите за французозов спрятаться?

Они говорят безработным: «В Германии нет больше безработицы. Вы не верите? Вот статистика. Вы не верите цифрам? Хорошо, мы берем вас в рабочий лагерь. Вот пятьдесят франков под'emных». Они говорят католикам: «Мы уничтожили безбожный коммунизм. Епископ Трира призывает вас голосовать за Германию». Они говорят протестантам: «Мы против католиков. Мы за Лютера. Если Гитлер — католик, это простая случайность. В душе он суровый протестант». Они говорят девушкам: «Посмотрите, как прекрасен Адольф! Вот вам коллекция открыток: он с любимой собакой, он с девочкой, он один на берегу озера, он смотрит на восход солнца, наконец, он идет с кошицей и кидает семена. Как он строен! Какие у него глаза! Он сам любит красоту». Они говорят мелким лавочникам: «Мы закроем универсальные магази-

ны». Они говорят крестьянам: «Мы закроем границу для лотарингских свиней». Они говорят французам: «Мы будем покупать у вас лотарингских свиней». Они говорят блондинам: «Мы недолюбливаем брюнетов, а у вас настоящий северный тип». Они говорят идиотам: «Гимнастика куда благороднее чтения». Они говорят колбасникам: «Национальная Германия обожает национальную колбасу».

Они вызывают к зависти, к жестокости, к алчности. Но всего охотней они вызывают к глупости: здесь они у себя дома. Передо мной лежат груды книг. Я никак не могу привыкнуть к мысли, что все это не пьяное бормотание какого-нибудь фельдфебеля в пивнушке «Берлинер киндль», а литература — журналы, книги, альбомы, напечатанные в прекрасных типографиях на отменной бумаге.

Роскошно изданная книга «Саар». Сначала автор доказывает, что французы — прирожденные захватчики: они то и дело вторгались в Германию. Что касается немцев, то немцы мирно сидели дома. Возьмите хотя бы 13-й век, французы нахально вторгались в Германию. О том, что приключилось в 20-м веке, автор благо-разумно умалчивает. За 13-м веком следует непосредственно 1918 год: французы в Сааре. Автор останавливается на трех преступлениях французов: они бесплатно отвозили немецких детей в свои школы. Однажды они разослали немцам приглашение на премьеру французского звукового фильма, наконец, они открыли книжный магазин, и там они открыто продавали труды Бергсона, а также романы Моруа. «Весь Саар обожает фюрера, кроме эмигрантов, то-есть марксистов из КПП и евреев». Это заявление иллюстрируется фотографиями «марксистов»: человек с уголовной физиономией и девочка, которая высунула язык. Почему существуют марксисты? Да потому, что французы, те самые, которые еще в 13-м веке обижали добрых немцев, хотя снова поработить Германию. В Сааре царит террор французов и марксистов: эти злодеи запретили национальный фильм «Черный гусар». Но патриоты этим не запугаешь! Патриоты сняты и воспроизведены во всех позах — раз пятьдесят. Они мужественны, как древние тевтоны. Они лихо поднимают вверх руки, и у них затылки бритые наголо.

Наиболее существенная часть книги «Саар» посвящена сравнению великой, чистоплотной и строго арийской Германии с семитско-хамитской Францией. Эта глава так и называется: «Сравнение». На одной странице представлена Франция, на другой — Германия. Выполнено это достаточно примитивно и свидетельствует о духовном урвне чистоплотных арийцев: французские пейзажи или постройки сняты не в фокусе, благодаря чему они кажутся уродливыми, а главное неопрятными. Детали сопоставлений курьезны, например, в Германии — арийские лошади, во Франции — семитические ослы.

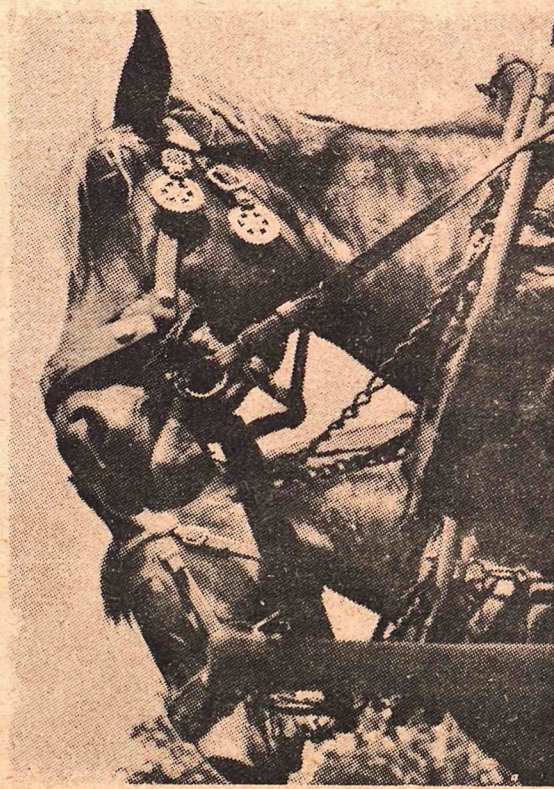
Во Франции — грязный переулочек старого Марселя, в Германии — хорошо подметенная улица. Один из самых прекрасных

Окончание на стр. 3.

ЯВНОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПАДЕНИЯ РОМАНСКОЙ РАСЫ

Презренный семитический осел, заменяющий во французских южных городках...

благородную северную арийскую лошадь, портрет которой здесь и прилагается.

(Из книги «Саар».)

Негр, танцующий с француженкой, или полное предательство белой расы!

(Фото и подпись из книги „Саар“)

памятников романской архитектуры — Ангулемский собор — снят так, что он кажется падающим на землю уродливым сараем. Автор не смутился даже противопоставить Парижу Берлин. Он заснял Эйфелеву башню без головы, так что она кажется низкой, а на переднем плане виден какой-то носорог.

Особенно ярко представлены различия в человеческих существовании. Французы спят на улицах, стоят в очередях за миской похлебки, устраивают марксистские демонстрации, жгут автобусы и умирают от пули на грязной мостовой. Немцы бодро шагают с лопатами, роют землю, смеются, играют с ребятами и маршируют перед горячо любимым фюрером. Сила Франции? Фотография негра: «Товарищ сенегалец». Фотография какой-то танцующей: негр танцует с француженкой. Полная пафоса надпись: «Во Франции негры уравнины в правах с белыми! Негры могут танцевать с белыми женщинами! Белая раса погибает, потому что утеряно чувство крови».

Книга «Саар» издана в Германии. Саарская правительственная комиссия запретила ее распространение. Надо ли говорить о том, что запрещенная книга продается повсеместно? Я не знаю, почему правительственная комиссия запретила именно эту книгу, — она не лучше и не хуже других. Она дает довольно яркое представление о духовном мире коричневых ребят и, понадеясь она в руки «товарища-сенегальца», он сразу понял бы, насколько примитивная культура его сородичей выше культуры той страны, которая после Канта, Гете, Фихте и Гегеля перешла на улюлюкание, изредка прерываемое сентиментальным всхлипыванием.

В окнах саарбрюккенских магазинов красуется плакат, специально выпущенный к плебисциту. Маленький негренок плачет: его отец едет в Саар голосовать за статус кво. По оскалу негрятенка совершенно ясно, что отец его не только «товарищ сенегалец», но и закоренелый марксист.

Два календаря-альманаха: «Саарский календарь» и «Календарь Шлагетера». Месяцы переименованы на древний лад: можно ли говорить — «январь», «февраль», «март» — ведь это напоминает «статус кво». Месяцы называются поэтически: «месяц льда», «месяц вина». В каждом месяце отмечены какие-либо исторические события. Бывший февраль: «В 1810 г. французы застрелили Андреаса Гофера», а «в 1933 г. коммунисты подожгли рейхстаг». Бывший март: «В 1877 г. родился министр внутренних дел доктор Фрик», «В 1919 г. чехи убили немцев», «В 1933 г. всемирное еврейство выступило против Германии». Бывший май: «В 1871 г.

Эльзас и Лотарингия вернулись в лоно Германии», а «в 1933 г. французы избили немца Ганса Дилля». Даты следуют одна за другой: «Родился г. Геббельс», «Французы арестовали немецкого патриота», «Застрелен еврей Ратенау», «Родился Шлагетер», «Застрелен Эрцбергер», «Франция объявила войну», «Умер Лютер», «Родился г. Геринг».

После исторических дат — исторические картины: «Земли, потерянные Германией на Западе до 1789 г.». Глядишь, и хочется всплакнуть над судьбой несчастной Германии. Чего только она не потеряла! Лион, Гренобль, Авиньон, Лилль, Марсель — ведь все это немецкие города, и они потеряны, как булавки!..

Скорбь по поводу потерянного Тараскона несколько рассеивается, когда читаешь о духовных высотах современных германцев. В одном из альманахов напечатано произведение г. Турлей — саарского патриота и драматурга. Француз беседует с немцем. Француз — высокопоставленное лицо, немец — шахтер и добрый патриот. Я считаю необходимым привести конец этого драматического произведения, состоящего наполовину из авторских ремарок.

«Клеес (сначала взволнованно, потом спокойно и решительно). — Это против моей натуры. Вы напрасно это мне предлагаете. Я родился германцем, и я хочу германцем умереть!»

(После паузы он поднимает правую руку вверх и выходит, сохраняя достоинство).

Гонтар (потрясенный зрелищем такого национального величия, стоит, преисполнившись сочувствия, потом невольно подымает вверх руку и с благодарностью смотрит на небо).

Этим заканчивается драматическое произведение г. Турлей.

За ним следует цитата из Геродота, озаглавленная: «Геродот и Гитлер». Оказывается, за четыреста лет до нашей эры мудрый Геродот уже предвидел торжество г. рейхсканцлера. Совершенно очевидно, что после такого исторического изыскания только круглые невежды смогут голосовать за статус кво.

Новелла г. Альфреда Петто. Автор рассказывает, как один честный патриот обходил берлинские кабаки и на полу изображал Гинденбурга. Портреты фельдмаршала он рисовал ногой, не потому, что он хотел оскорбить великого полководца, но потому, что, находясь под командой этого великого мужа, он потерял обе руки. Однажды какой-то немец, обманутый марксистами, сказал безрукому патриоту: «Нарисуй портрет Ленина». Патриот не согласился: он не хочет изображать хищных зверей, он хочет изображать дорогого фельдмаршала! Немец, обманутый марксистами, был потрясен национальным величием, точь в точь как француз Гонтар. Немец поднял глаза к небу, а в ногу доблестного патриота поспешил сунуть одну рейхсмарку.

Альманахи предназначены для широкой публики. Для любителей поэзии можно порекомендовать хотя бы сборник «Саарский народ поет» или «Песню о Леви». В первой из этих книг напечатаны лучшие произведения местных поэтов: «Славься, вечная Германия», «Мы маршируем, раз-два», «Ура-ура-ура!». Что касается «Песни о Леви», то она написана доктором Шверхтеном и по словам автора является подражанием шиллеровской «Песни о колоколе». Самым патетическим местом в «Песне о Леви» являются следующие строки:

«Однако в дешевых еврейских штанах
Живет ужас».

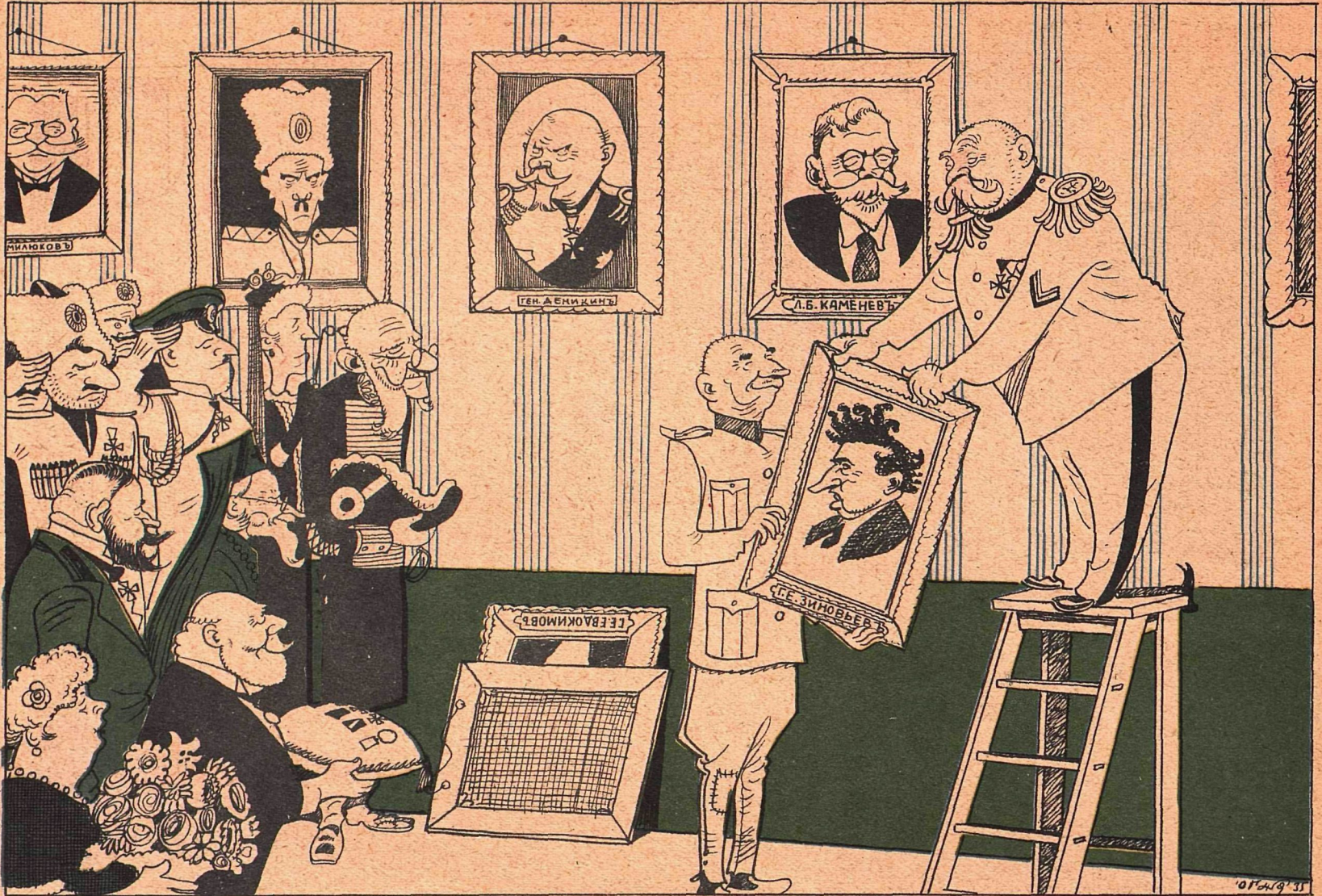
Я не хочу утверждать, что фашистские поэты столь эпичны, как творец ужаса в еврейских штанах. Среди них имеются и чистые лирики. Я приведу отрывок из стихотворения, озаглавленного «Фюрер едет».

«Мы ждем за часом час.
Наши ряды плотны.
Переходит из уст в уста:
«Сегодня мы увидим фюрера».
Он едет. Он проедет наш город.
Мы знаем это наверно.
«Найдется ли у него минутка?» —
Спрашивает блондинка.
«Может быть, у него найдется минутка.
Мне тогда повезет.
И я нажму кнопку: раз-два-три».

Я невольно думаю о судьбе Германии. Я знаю и люблю эту страну. Идут месяцы, идут годы, — во что превратят фашисты страну, которая справедливо гордилась своей культурой? Я боюсь, что первым декретом победившего революционного народа будет декрет о борьбе с безграмотностью: они хотят отучить страну думать и читать.

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

Картинная галерея пополнилась.

ПРОДЕЛКИ ПТИЦЫНА

Я написал небольшой рассказ для сатирического журнала. Тема — курортный ловелас наших дней.

Надо было дать фамилию главному герою рассказа. Я наугад раскрыл телефонный справочник, ткнул пальцем и попал в какого-то Птицына.

Эта фамилия и была присвоена шустрому курортному сердцееду.

И рассказ был озаглавлен так:

«Прodelки Птицына».

О выходе очередного номера сатирического журнала было объявлено в газете. Там же было помещено содержание номера. В частности — «Прodelки Птицына», юмористический рассказ...

В мой кабинет зашел гражданин средних лет, блондин, с холщевым портфелем.

— Здравствуйте. Вы меня, конечно, не знаете. Разрешите отрекомендоваться — Птицын. Да, тот самый Птицын, о котором вы рассказали сочинили.

— Позвольте... но...

— Не отнекивайтесь. Я все знаю. Я даже знаю, кто вам про меня дал материал. Сургучев. Сережка Сургучев! Это — факт. Я — председатель артели. А он — мой заместитель. Вот и подкапывается.

— Не понимаю.

— Сейчас вам все станет ясно. Сургучев обвиняет меня в растрате. Но я эти две тысячи взял в виде аванса. Обязательно покрою. А между тем, кто заключил с частником договор на поставку сырья? Сургучев! Кто во время моего отпуска совершал товарообменные операции? Сургучев! Могу все документально подтвердить.

— Пожалуйста. Приходите с документами, будем разговаривать.

— Обязательно приду. А две тысячи внесу — не беспокойтесь. А насчет моей квартиры в вашем рассказе тоже упомянуто?

— Упомянуто.

— Вот негодай! Не беспокойтесь, — это я о Сережке Сургучеве. Обо всем, подлец, успел доложить. Тут, действительно, — мой грех. Вам, конечно, все известно, так что я в двух словах добавлю для ясности. Дал я жилищному кооперативу несколько ящиков гвоздей, стекла и оконных приборов. Ну, и — обыкновенное дело: выкроили они мне квартиру с балкончиком. А Сережке завидно. А как он сам, смею вас спросить, дачку приобрел? Вам неизвестно?

Как только он вышел из кабинета, зазвонил телефон. Беру трубку.

— Алло! Это говорит Птицын.

— Какой Птицын?

— Вот в этом-то и все дело. Не Игнат... Обратите внимание, не Игнат, а Иван.

— В чем дело?

— Вы написали рассказ о Птицыне. Ясное дело, не обо мне, а об Игнате.

— Так чего же вы хотите?

— Хочу жену свою успокоить. Исторические статьи пишет Игнат Птицын. Он, наверное, что-то и напутал. Вот вы про него рассказ и написали. А я — Иван. Исторических статей не пишу. Служу в горюдраве. Значит, — вы писали об Игнате, а я, Иван, тут не при чем? Условились?

— Условились.

— Вот видите. Я так и знал. Спасибо.

Я повесил трубку. Тотчас же в кабинет зашел молодой человек, совершенно лысый и в желтых крагах.

— Пardon. Я стоял за дверью. Нечаянно подслушал. Вам по телефону кто-то говорил обо мне.

— Вы — Игнат Птицын?

— Ошибаетесь. Вы хотите сказать Николай Птицын. Да. Я есть Николай Птицын. Тот самый, кому посвящен ваш рассказ и о котором вам только-что говорили по телефону. Я догадываюсь, о чем идет речь. О моем социальном происхождении.

— Приблизительно.

— Вот видите, я сразу угадал. Так знаете, что Кистяков не совсем прав. Знаю, знаю, — это Кистяков по злобе сообщил обо мне. Он такой маленький, в пенсне?

— Да, да. Маленький. В пенсне.

— Я так и знал. Кто ж другой знает мою биографию. Мы с ним в одном полку служили.

— В каком?

— Вот в том-то и дело, что он вместе со мной служил у Деникина. Так я вам истинную правду скажу. В моих анкетах сказано, что я — пролетарского происхождения. Тут, если хотите, я некоторым образом прав. Бабушка моей матери действительно была крепостной. Есть свидетели. Что касается отца, — не отрицаю: полицмейстер. Но я не о себе. Вот вам фотографическая карточка Кистякова. Обратите внимание, как на нем хорошо сидит мундир штабс-капитана. А за сям честь имею кланяться. Не смею дальше беспокоить...

В тот же день меня посетили еще пять Птицыных.

Вот к чему иногда приводит маленький рассказ! Вернее, объявление о нем.

Г. ГРИГОРЬЕВ

КУЛЬТУРНОЕ НЕГОДОВАНИЕ

Рис. Ю. Ганфа

— Почему это он так волнуется?
— А это он обиделся: его хулиганом назвали.

ПРАВО НА ТИГРА

Только на-днях я узнал, что сын одного моего приятеля, девятилетний Сережа, — тигр. Справедливость требует указать, что в качестве тигра Сережа функционирует не полные сутки, а только во время школьных перемен.

— У нас многие — звери, — с дружеским доверием выдал мне Сережа тайну своего класса. — Сапа Зарубов — антилопа. Вася Пырьев — лев. Я — тигр. А Валя Котовицына, которая со мной на парте сидит, — змея. Гремучая. Она ходит по коридору боком, шипит и жалит. Вчера Васю ужалила.

— А он что? Уполз в нору?

— Нет. Он — лев. Его два раза ужалить надо. Один раз не считается.

— А ты как насчет змен? Тебя она не жалит?

— Меня не ужалишь, Я прыгаю. А со спины не имеет права подходить. Я ее хвостом убью.

Дальнейший мой пытливый опрос выяснил всю картину Сережиных школьных перемен. Лев бегаёт по коридору, апусывает булкой и рычат. Тигр наскоро доедает свой горячий завтрак и бежит навстречу другому хищнику, чтобы вместе поймать вихрастую антилопу, которая с хрустом дожевывает сочное яблоко, имея на левом фланге в качестве защиты жуткую гремучую змею с тугими желтыми косицами.

Трагедию лесов прекращает звонок. И тогда это милое, чудесное, радостное зверье бежит в класс, сразу забывая, кто должен рычать и кто жалить. Гроза джунглей, мощный лев, быстро дописывает задачу на сложение дробей, робкая антилопа дозубривает мудрость сослагательного наклонения, а смертоносная змея умоляет, чтобы тигр подсказал ей, что дает плюс на минус.

И сидят они раскрасневшиеся, успевшие отдохнуть и весело использовать перемену.

И никто не вызывает их в таинственную учительскую и не задает им угрожающих вопросов.

— Гражданин Пырьев? Год рождения 1926? Так. Не пытались ли вы под видом льва и в сообществе с неизвестным гражданином, укравшимся под именем антилопы, а также в сообществе змеи-профессионалки Валентины Котовицыной превратить коридор школьного помещения в тропический лес, вплоть до наименования паркета льяносами, а подоконников — пампасами?

Никто не спрашивает так. Потому что в любой советской школе признано право школьника резвиться и бегать во время перемены. Вплоть до изображения львов и тигров. И даже змей.

Но в 14-й московской школе Дзержинского района должны были бы основательно допросить злонамеренных личностей. Потому что здесь свой взгляд на перемену. Взгляд обоснованный, детализированный, вплоть до точного хронометражного расписания перемен, выработанного учебной частью школы.

Итак, на трибуне — учебная часть. Предоставляем слово ей. Вот как ей рисуется первая перемена.

«Перемена тишины. Дети спускаются в зал, тихо проходят вокруг зала и, не дожидаясь звонка, поднимаются в класс».

Здесь учебная часть явно опускает целый ряд подробностей. Неизвестно, например, стоят ли при этом классные руководители с факелами в руках и не передвигаются ли из угла в угол школьные сторожа в коленикорых саванах для придания перемене еще более строгого колорита. Крайне эффектен здесь был бы пожилой испытанный шаман, который может сидеть в уголке и молчаливо бить в бубен левой рукой в теплой варежке. Детей, плачущих от ужаса, можно выводить в коридоры. Хорошо при этом также музыка. Какой-нибудь легонький рекем или хотя бы «Танец мертвых». Пусть дети получают зарядку перед уроками.

Впрочем музыка действительно есть, но во время второй перемены. О ней учебная часть говорит так:

«Дети, спустившись в зал, под музыку ходят парами».

Нужно предположить, что ходят дети, конечно, в такт. Директор школы стоит сбоку, величественно облокотившись на радиатор парового отопления, и умиленными устами шепчет:

— Ать-два, ать-два, ать-два!..

Учебная часть в полном составе играет на гребенках марш из вагнеровских «Валькирий». Вспомогательный технический персонал замыкает пестивие учащихся под тихий барабанный бой.

Дети медленно ступают, окунувшись в этот тщательно разработанный вихрь веселья. Все очень красиво.

Но эффектнее всего — последняя перемена. Ей учебная часть уделила даже специальное название:

«Перемена обмена мнений. Дети тихо ходят по залу, делясь друг с другом впечатлениями дня».

Я показал эту программу Сереже. Бедный тигр посмотрел на меня робким, испуганным взглядом и тихо спросил:

— Это ты выдумал?

— Нет, Сережа, не я, а учебная часть.

— Нарочно или для смеха?

— Не знаю. Наверное и для того и другого.

Больше мы с ним не касались этого скользкого вопроса. Я знаю, что у Сережи никто не отнимет его права на тигра. И у его соседки Вали Котовицыной — права в переменах ходить боком, шипеть и жалить.

Наши дети умеют работать. И никто не смеет отнять у них возможности отдыхать. Пусть лев ловит антилопу и тигр убивает хвостом гремучую змею. А перемены тишины и обмена мнений — это от лукавого. Даже хуже. От глупого.

А. ПОЛУЗАЙЦЕВ

Помню, —
В этом доме
На пороге
Нас встречали
Сторожа и боги.

... В этом доме
Новенькие парты,
Пальмы и живые уголки,
Голубые окна,
Голубые карты
И другие ученики.

За столом
В мундирах темносиних
Боги географии, латыни
И святые с головы до ног —
Бог гимнастики
И танцев бог.

За стеклом веселые тритоны
И сооружеье у окна —
Стройка из фанеры и картона.
В павильонах и в садах зеленых
Наша необ'ятная страна.

Голоса их,
Как свирели, сладки —
Отражения святой души.
И лежали, как дары,
В порядке
Разлинованные тетрадки
И очищенные карандаши.

А за ней лежат другие страны,
Плоскогорья, реки, ледники,
Водопады, роции, океаны
И морщинистые материки.

Открывает бог
Святые списки, —
И подходят к кафедре подряд
Гимназистки и гимназистки,
Словно кандидаты
В рай и ад.

И за партой, верный мой читатель,
Необыкновенный ученик.
Храбрый мореплаватель, мечта-
тель,
Беззаветнейший любитель книг.

„Отвечайте:
Где лежит Сахара?
Кто был Демон?
Кто была Тамара?
Кто достойнее из них двоих?
Как по отчеству звали их?“

Маленький и знатный пролетарий,
Непоколебимый, озорной,
Строит настоящий планетарий —
Здание с яблоко величиной.

И как в бурю ломкие тростинки,
Задышались, кипят, дрожат
В рай несущиеся пелеринки
И мундиры, посланные в ад.

Рыжий ежик —
Вьюн и непоседа —
Важным делом занят день и ночь.
Все «хвосты» у слабого соседа, —
Надо ему, бедному, помочь.

День уходит, наступает вечер,
Боги на экзамене сидят...
Так они учили, нас калеча.
Так они увечили ребят.

И глядишь, — глаза повеселели,
Дружба с детства крепнет и растет,
Как речной буксир,
Ведущий к цели
На мели застрявший пароход.

Как же не гордиться мне тобою, —
Только я об этом промолчу.
Слишком шумной, громкой по-
хвалою
Я тебя обидеть не хочу.

МИХ. РУДЕРМАН

СЛУЧАЙ С МИХАЙЛОМ ЗОЩЕНКО

КОРОТКО И ПРОСТО

Рис. Ю. Ганфа

Что ж это такое, Михал Михалыч, а? На что это похоже, уважаемый товарищ Зощенко?

Оказывается, рассказы сочиняете? И даже стараетесь смешать народонаселение? И даже высмеиваете некоторых граждан.

Читатель, говорят, смеется. А вы и довольны.

А знаете ли, дорогой автор, что имеются такие, которые и не улыбаются и не смеются. Им не до смеха. Вы своими произведениями принесли им боль и огорчение.

Факты? Извольте. Чтоб далеко за примерами не ходить, остановимся на Раисе Васильевой.

Ведомо ли вам, гражданин Зощенко, что вы есть настоящий погубитель ее молодой жизни? Знаете ли вы, что эта милая девушка из-за ваших смешных рассказов льет ныне горькие слезы?

Считаем своим нравственным долгом информировать вас, дорогой писатель, о нижеследующем:

В Костроме в техникуме обучается комсомолка Раиса Васильева. Студентка Васильева приехала недавно на практику в Большие Соли, Ивановской области, на завод «Красный Профинтерн». Все в порядке. Практикуется.

Но вот в заводском клубе организуется вечер самодеятельности. Кто во что горазд. Одни поют, другие, наоборот, пляшут. А Раиса Васильева прочла несколько рассказов Зощенко. Очень все смеялись. Аплодировали.

А потом Раиса Васильева начала исполнять частушки. А в частушках — ехидный припев о сонных людях.

И вот, во время исполнения частушек случился неприятный казус. В первом ряду заснул человек. И какой человек! Сам Болотов, директор завода!

Свесил на бок голову и, не говоря худого слова, захрапел. Директор храпел смачно, с присвистом. Можно сказать, свистел на всю Ивановскую область.

А в эту тревожную минуту Раиса Васильева исполняла припев о сонных людях. И по молодости своей дергнула небрежным театральным жестом кивнуть на мирно почивавшего товарища Болотова. Директора завода.

Публика невольно рассмеялась.

Здоровые и нормальные люди смеялись легко и весело, не ограничивая себя. Что же касается подхалимов, то они не могли себе позволить такой роскоши и тихонько похихикивали.

Секретарь заводского партийного комитета Покорнов, захваченный врасплох этим событием, легонько усмехнулся... Но тотчас выправил свою линию в этом вопросе, перестроился на ходу и сделал серьезное, задумчивое лицо.

Смех разбудил директора. Он торопливо протер глаза. Узнав причину смеха, незамедлительно осерчал. Над кем смеются? Над самим директором! Не есть ли это враждебная вылазка против единоначалия?

Исходя из вышеозначенного, директор после окончания концерта подошел к Раисе Васильевой и авторитетно сказал:

— За такие частушки тебя нужно прогнать с территории завода. Это — балаганщина.

Ровно через двадцать минут Раису Васильеву вызывает к себе товарищ Покорнов, секретарь партийного комитета. Нет, он о частушках ничего говорить не будет. Ничего предосудительного в частушках нет. А что директор обиделся... Конечно, можно было бы и... Но...

— Но что ты там, товарищ Васильева, читала перед частушками?

— Рассказы Зощенко.

— И тебе не стыдно?!

— Не понимаю.

— Зощенко нельзя читать в рабочем клубе. Его рассказы могут читать только в домашней обстановке люди не занятые, в виде развлечения. Но перед рабочей массой выступать с такими рассказами — это преступление...

Читатель может предположить, что мы ради красного словца измышляем, фантазируем.

Ничего подобного. Покорнов так прямо и сказал: и насчет домашней обстановки и насчет преступления. Сами понимаете: в стране нашей сто семьдесят миллионов населения. Так что попадают разные люди. Бывает...

Раиса Васильева хотела было возразить. Но все это было так нелепо и неожиданно, что молодая девушка потеряла на мгновение дар речи.

Ошарашенная, она вышла из кабинета секретаря. Странное недоразумение... Ничего... Она завтра объяснит... Она докажет: но ни объясняться ни доказывать не пришлось.

Рано утром ей вручили под расписку приказ дирекции:

«За дебоширское и вульгарное выступление перед рабочими практикантку Васильеву от работы освободить, поставив в известность директора техникума».

Так закончила свою практику в Больших Солях студентка Раиса Васильева.

И все это по вашей милости, уважаемый Михал Михалыч. Что вы на это скажете?

А впрочем ничего не говорите, товарищ Зощенко. Лучше всего изложите ваши соображения в высмеенном виде.

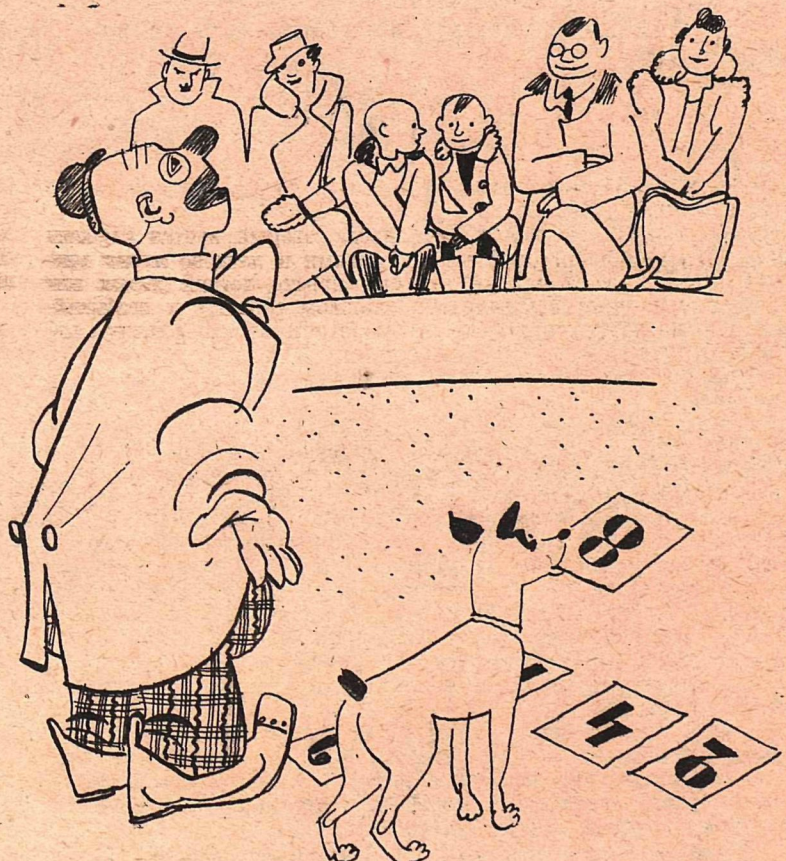
Г. РЫКЛИН

- Я вчера в отряде большой доклад прозевал.
- Опоздал?
- Нет, просто сидел и зевал.

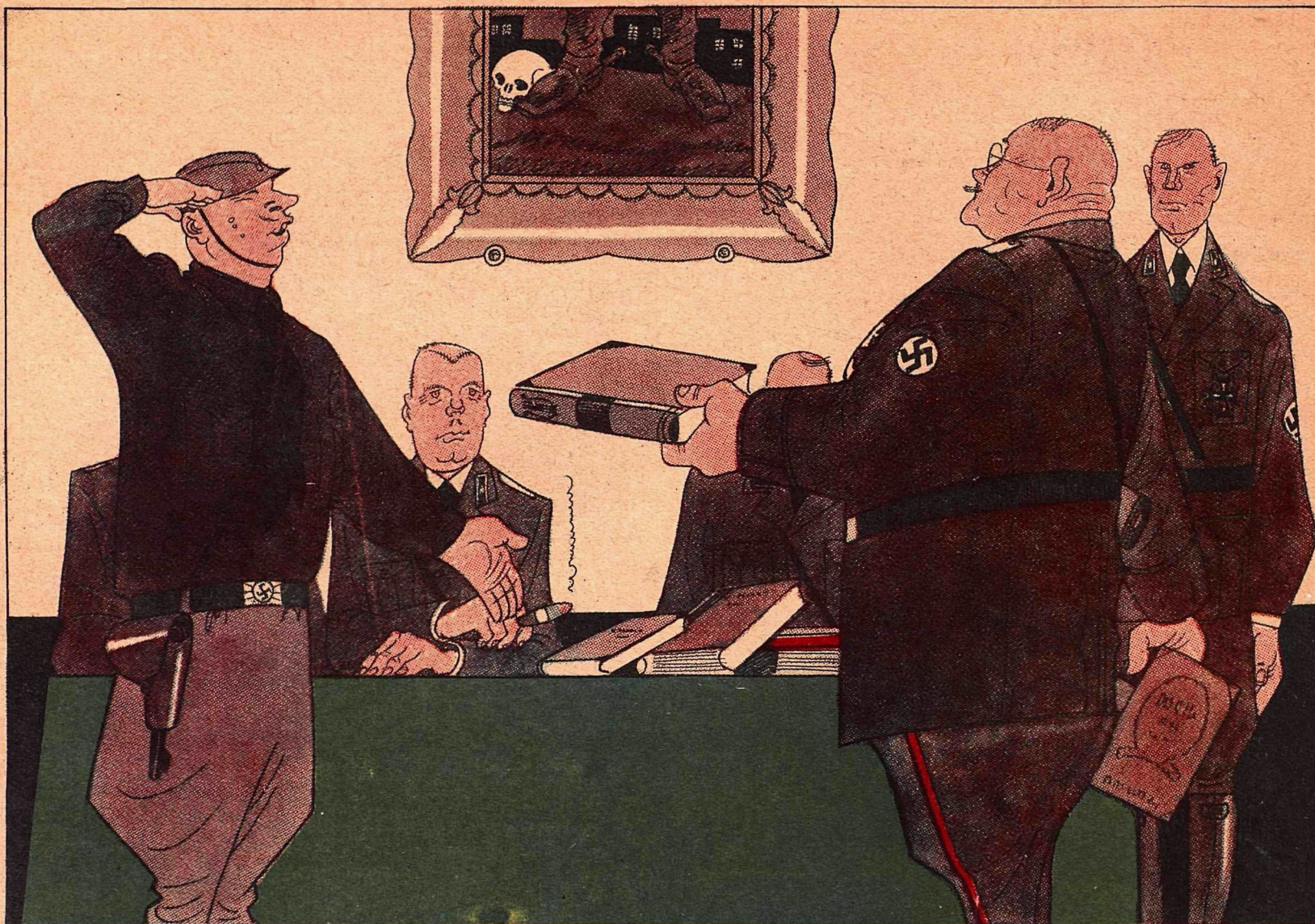
ПРИЯТНОЕ С ПОЛЕЗНЫМ

Рис. Н. Р.

- Запомни, Сенька: $24:3=8$. Теперь я спрошу последний пример на умножение, и тогда урок на завтра будет готов.

Рис. Ю. Ганфа

— Мы вам, Фриц, поручаем написать „Сон в летнюю ночь“ вместо неарийца Мендельсона.

— С вашего позволения, господин полковник, я предпочел бы выдумать теорию относительности вместо Эйнштейна!

ДВА СЛУЧАЯ

В позапрошлом месяце у гражданок Будниковой и Коптевой пошел из ушей дым.

Быть может, это был не тот дым, который вьется клубами зимним утром над бревенчатыми домиками и ласково манит одинокого путника. Быть может, это был просто легкий дымок или даже намек на него. Явление это слишком сложное и необычайное, и мы не будем путаться в конкретном показе женских дымящихся ушей.

Нас более интересует причина этого редкого в медицине явления.

А причина довольно простая.

На Улыбовский медпункт Черкасского района (Саратовский край) пришли гражданки Будникова и Коптева и заявили, что у них болят уши.

«Странно, — подумал осматривавший их фельдшер Житков, — с чего бы это у них уши? Все хорошо, день превосходный, жизнь улыбается, и вдруг — уши... непонятно».

И фельдшер Житков еще углубленнее задумался над странностями человеческого организма. И немудрено, что задумался. Потому что фельдшер Житков еще недавно был кузнецом, и тонкости всяких там происшествий с ушами понимал туго.

— Может, камфарного масла дадите? — предложили Будникова и Коптева.

— Не такой у меня сейчас отрезок времени, чтобы камфарное масло в уши лить, — сухо ответил Житков, — лейте вот это.

Обе гражданки послушно влили в уши вместо законного в этих случаях камфарного масла гостеприимно предложенную им бывшим кузнецом фосфорную кислоту.

Просим верить нам на слово, как мы поверили очевидцам, сообщившим нам об этом факте, что от нее — от фосфорной кислоты — именно и шел дым из ушей обеих упомянутых гражданок.

Но это явление из мира физического, так сказать осязаемого. Следующий за ним факт, о котором мы хотим рассказать, погружает нас в мир нереальный, потусторонний и вплотную смыкает члена сельсовета Хохлова с потусторонним миром.

Для того чтобы сразу же остановить попытку скептически настроенного читателя недоверчиво улыбнуться над этим вступлением, сообщаем, что дело происходило в Дорогобужском районе Западной области, в Алексинской больнице. Надеемся, что точный, конкретный адрес сразу сотрет улыбку недоверия.

У сельсоветчика Хохлова захворала жена. 25 декабря недавно истекшего года Хохлов получил любезное извещение из Алексинской больницы, что его жена умерла.

Факт остается фактом, как бы ни была печальна его сущность. Хохлов запряг лошадь, посадил в сани родственников и поехал в больницу за покойницей.

— Выдайте, — хмуро попросил он дежурного по больнице, представляя ему траурное извещение.

— Сходите в покойницкую и возьмите, — безучастно предложил дежурный и деловито занялся текущей работой.

Хохлов грустно бродил по коридорам больницы и только когда он свернул... Закругляем, как говорят предыдущие ораторы. Около одной из палат, радостная и поправившаяся после болезни, перед ним стояла его жена. А когда тепло укутанная покойница уже сидела в санях и весело глотала зимний снежный воздух, некто из медперсонала Алексинской больницы, почесывая затылок, заканчивал эпизод немногосложным признанием:

— Потому и получилось, что списки перепутали... В одном скончавшиеся, а в другом выздоровевшие... Ну, мы, значит, насчет покойников послали, что выздоровели, а насчет выздоровевших — того... Сами понимаете...

Шестнадцатый всероссийский съезд советов постановил всемерно улучшить медобслуживание сельских местностей.

Приветствуем это решение и надеемся, что в будущем году нам уже не придется больше писать деловые заметки без юмора и игры воображения о дымящихся ушах и живых покойницах. Пусть эти скучные темы исчезнут вместе с кузнецами на ампулах фельдшеров и с чеховскими персонажами в роли медперсонала.

Я. РЕБЯТКИН

ПО МОЕМУ ОЛИМПУ

В БЕРЛИНСКОМ ДАНСИНГЕ

Рис. В. Козлинского

Темными
Гигантами ночными
Здания высокие
Встают,
Изредка
Часовенки меж ними
Мелькою молекулой
Мелькнут.

Я теперь
Задумываюсь часто:
Где она —
Булыжная страна?
Мне она нужна,
Хоть для контраста,
Для разнообразия
Нужна.

Постовой
Не хочет отвечать,
В пафос мой
Нисколько не поверив...
(Как бы нам — поэтам —
Перенять
Всю серьезность
Милицionеров?)...

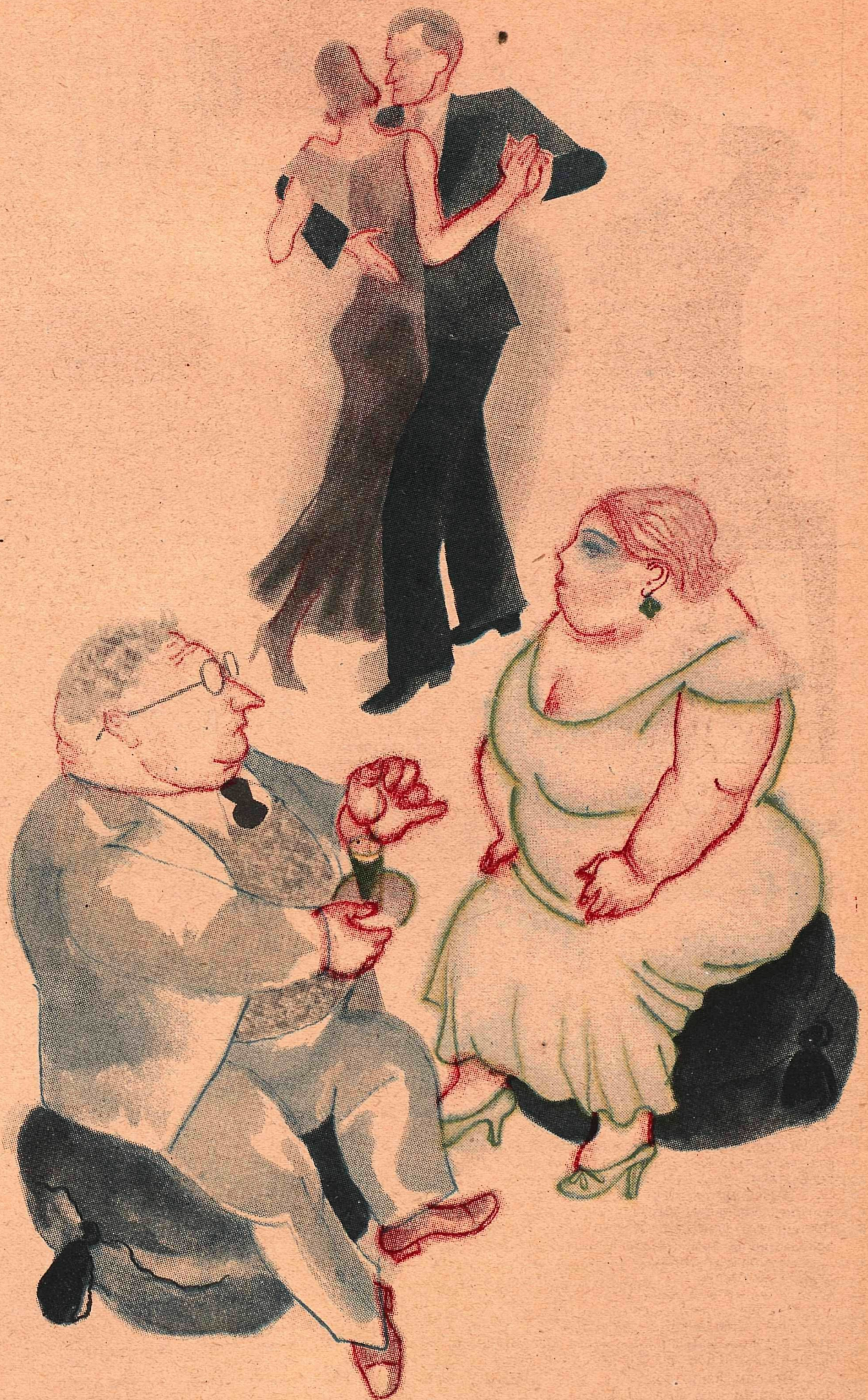
По Москве —
По моему Олимпу —
Грузные грузовики
Спешат
К булочным...
И, презирая импорт,
Шарикоподшипники
Шуршат.

Это начинается
Рассвет,
Вот уже разбужена
Москва
Шепелявым шорохом
Газет,
Гонгами
Бидонов молока.

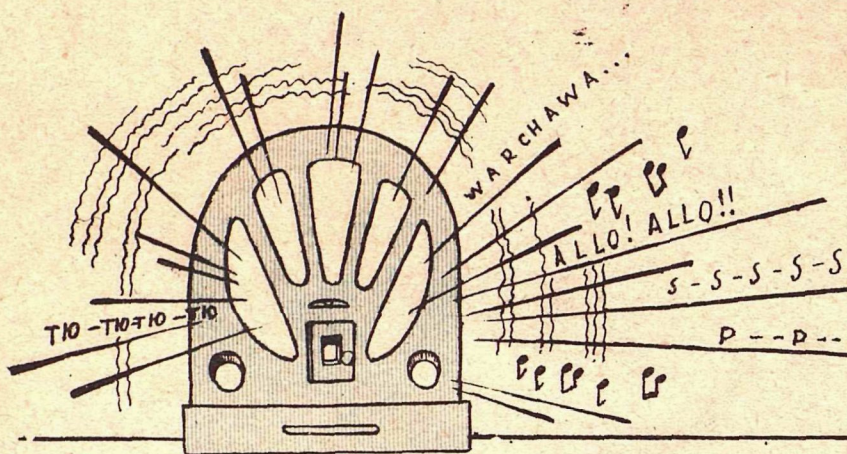
Разгибая
Молодые плечи,
Комсомольцы
Улицей пройдут,
Мейстерзингеры
Замоскворечья
,Конную Буденного"
Споют...

Улицы
Загрохотали вдруг
И трамваями задре-
безжали...
Встретим же
Как следует,
Мой друг,
Утро,
О котором мы
мечтали..

М. СВЕТЛОВ

— Интересно, о чем это разговаривает ваш сын с моей дочкой?
— Наверное, о будущем: видите, какое у него кислое лицо.

Тайна Эфира

Вот уже третий месяц, как в моей комнате хрипло поют неизвестные мне венгры. Изредка их смеяют пожилые норвежцы, которые настойчивыми северными голосами докладывают под скрипку, что Карл любит Грету, а Грета любит джаз. Все это не увлекательно и очень мешает работать. Особенно венгры. За такие голоса на улицах больших венгерских городов наверное арестовывают, и обладатели их спасаются только в радиостудиях.

Когда я хочу немного отдохнуть, норвежцев и венгров сменяют эстонские тенора и немецкие органисты. Тенора поют что-то очень заунывное, напоминающее сельское кладбище вечером во время наводнения. Органисты играют скрипучие фуги, и мелкий хор поет с металлическим тембром нечто вроде расписания поездов, переложенного на небогатую музыку.

Так моя комната, уши и нервы брошены на растерзание неизвестным людям, зачастую неважного социального происхождения и сомнительных музыкальных вкусов.

Началось это с того, что один из моих приятелей, — да будет проклято на территории РСФСР его имя, — предложил мне с заискивающей и мало привлекательной улыбкой:

— Почему бы тебе не купить себе новый аппарат РПФ-2?

Сам он покупает все новые аппараты. Его тешит их изысканность. Из-за границы, например, привез автоматическую зубную щетку с музыкой и циркулем. Особый аппарат для чинки карандашей, который оказался щипцами для орехов. И даже патентованный утюг, заменяющий днем ночник, а ночью — мышеловку. Скупает он все новые изобретения в Москве. У него уже скопилось столько непонятных вещей, что домоуправление требует с него

оплату за комнату как за оптовый склад сельскохозяйственных орудий и считает его мелким спекулянтном движимым имуществом. Последнее, что он приобрел, — особый чайник с узким горлышком для уничтожения клопов. Последних в доме не оказалось, и ему пришлось привести в город несколько экземпляров с зимней дачи, чтобы любимый аппарат не стоял в бездействии.

Я знал, что от такого человека все равно отвязаться нельзя, и пошел покупать РПФ-2.

— Этот аппарат еще не освоен, — предупредил меня в магазине очень унылый молодой человек, который тут же бесстрастно принимал заказы на починку счетчика, установку газовой плиты и перевеску люстры, — но завод дает ручательство.

Выяснилось, что если аппарат будет действовать плохо, я могу позвонить на завод и мне пришлют все, что может меня успокоить. Судя по широким обещаниям молодого человека, завод поступал в мою единоличную ничем не сдерживаемую эксплуатацию, и если бы даже я потребовал, чтобы мне сменили ответственного с'емщика или паровое отопление, завод не посмел бы отказаться.

Сам аппарат напоминал одинокий степной холм, раскрашенный пестрым лаком. В такси мы его впихнули боком, и шофер сокрушенно посмотрел на неподготовленный к таким перевозкам непрочный кузов автомобиля. Унылый молодой человек из магазина поехал со мной. Вскоре оказалось, что он курит, что его зовут Володей и что он хочет пятьдесят рублей вперед. Я стал звать его Володей и выполил остальные формальности.

Аппарат сразу занял половину моего письменного стола. Я сразу почувствовал уважение к новостям радиотехники и понял, что работать мне теперь придется между кроватью и бельевой корзиной. Жизнь начинала строиться по-новому.

Володя ушел на крышу. Там ему понравилось, потому что вернулся он только через полтора часа и стал бодро ходить мок-

рыми сапогами по рукописям на письменном столе, ловя через форточку кусок какой-то проволоки.

— Антенна, — снисходительно сказал он, улыбаясь моему невежеству. И тут же попутно сбил ногой со стола лампу. Я вздохнул и стал подбирать осколки абажура. Радиотехника требует жертв.

Через полчаса аппарат был уже в действии. В нем тусклым светом горели четыре лампочки и из рупора разносился приветственный треск, напоминающий утреннюю растопку голландской печки.

— Заграница, — авторитетно сказал Володя, надел кепку, наступил на второй том Беранже и ушел.

Я стал радиолубителем.

Не скажу, чтобы до этого времени мне безысходно жилось без английского джаза со станции Девентри. Или чтобы я мучился безнадежностью без немецких кавалерийских маршей из Гамбурга. Я, пожалуй, предпочел бы оперу из Большого театра. Но положение обязывает. Иметь такое мощное сооружение из фанеры, лака и хрипа и не ловить заграницу, это все равно, что сесть в дирижабль и приказать подвести себя к трамвайной остановке.

Уже вечером я огрызался на домашних, как затравленный барсук, и мучительно ловил Будапешт. Оказалось, что Будапешт находится у меня в аппарате между Прагой и Варшавой, при чем из Варшавы говорили на спокойном латвийском диалекте, из Будапешта слышалось сердитое урчание итальянской дикторши.

Поздно ночью я позвонил к своему приятелю, порекомендовавшему мне аппарат:

— Слушай, кретин. У меня нет Будапешта.

— В три часа ночи я тебе не могу его доставить на извозчике. Найдешь завтра.

— А почему у меня нет Парижа?

— У тебя же ручательство от завода. Позвони, пришлют, — сердито проворчал он и повесил трубку.

К четырем часам я поймал четыре заграничных телеграфных передачи. По своей монотонности и пронзительности они напоминали зубную боль и не доставляли никакого эстетического удовольствия.

Утром домработница разбудила меня у аппарата, с кнопкой в руке.

Следующие дни пошло еще хуже.

Я чувствовал себя, как заяц, которого посадили в контрабас и заставили слушать увертюру к вагнеровской опере.

У меня появилась тупая головная боль и пониженная кислотность. Но радиояд уже вошел в самосознание. Соседи слушали через простые десятирублевые приемники добротные московские оперы, симфонические концерты и заранее узнавали по радио, какая будет погода, а я воровато вертел кнопками, менял диапазоны, глушил истерическим хрипом близких мне людей и ловил заграницу.

— Тебе нужно с'ездить в дом отдыха, — ласково предложила жена, — многим это помогает. Или попробуй сидеть с мокрым компрессом на голове. Если будет капать на пол, я подотру. Если хочешь, можно просто вынести аппарат в ванную. И он там испортится, и тебе будет легче.

Я поехал на завод.

— Слушайте, — обиженно сказал я, — у меня ваш приемник РПФ-2. У меня через чехо-словаков поют бельгийцы, а вместо Парижа аппарат мне сует Бреслау. Типичное мошенничество в эфире.

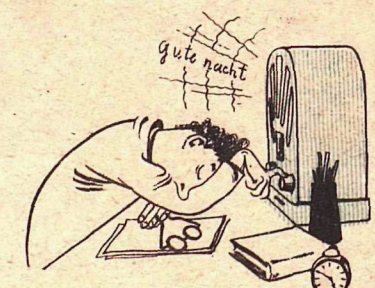

Рис. Л. Сойфертиса

Вася Малюткин отворил дверь в комнату Вари и сразу же заметил две неприятно поразившие его детали: большой букет лиловых, желтых и белых астр на столе и Петю Синецкина, сидевшего у окна с гитарой в руках. Варя, в креп-де-шиновом платье, завитая и нарядная, сидела напротив Пети.

«Вот собака, перебежал дорогу, — горько подумал Вася. — И цветов ей принес, мелкобуржуазная отрыжка».

— Здравствуй, Васенька, — приветливо сказала Варя. — Раздевайся, гостем будешь.

Вася снял пальто и стал поправлять перед зеркалом белесые ершистые волосы. На нем был новый сиреневый костюм и желто-пламенные ботинки. Он был прекрасен. Взглянув на Васю Малюткина, Петя Синецкин заметно погрузился. Если бы Вася умел читать чужие мысли, он легко разгадал бы причину внезапной Петиней грусти.

«Вот собака, перебежал дорогу, — горько подумал Петя Синецкин. — Прислал ей цветов, мелкобуржуазная отрыжка, а следом и сам прикатил».

— Что у тебя на заводе, Вася? — спросила Варя.

— Ничего. Все по-старому. А у тебя?

— Тоже ничего, по-старому. Костюм по ордеру брал или так?

— Или так. Всю премию ахнул. Ты, между прочим, Варюша, здорово похорошела.

— Да ну? Приятная новость! Петя, что же вы замолчали? Сыграйте что-нибудь, а я сейчас чайничек вскипачу.

Варя выпорхнула на кухню. Петя Синецкин лениво тронул басовую струну, и его гитара загудела густо и низко, как шмель. Вася Малюткин не выдержал первый.

— Интересно, почему нынче цветочки?

— Тебе лучше знать!

— Откуда нам знать? Это вы у нас известный покоритель женских сердец. Теперь тебе осталось сыграть под окном серенаду, и тогда ты будешь кавалер по всем статьям. Евгений Онегин из сборного цеха!

— Ты, Вася, хитрый, как муха. Но я вижу тебя насквозь. Скажи, ты на цветочки тоже премию стравил?

— Я такими глупостями не занимаюсь. Не то, что некоторые...

Вошла Варя с чайником в руках.

— Вот и чай. О чем спор?

— Так... О жизни.

Стали пить чай. Разговор не клеился. Наконец собравшись с духом, Вася Малюткин сказал.

— Вот ты, Варя, передовая девушка на своем заводе, комсомолка, ударница. Скажи, тебе мог бы понравиться человек, который выражает свою любовь таким старым, прогнившим способом, как преподношение цветов? По моему такие люди просто смешны.

— Нет, почему же, — задумчиво сказала Варя, — что же смешного в цветах?

Вася Малюткин вспыхнул и украдкой посмотрел на Петю Синецкина. Отвернувшись, Петя мрачно перебирал струны гитары.

— А я вообще не люблю цветов, — сказал Петя Синецкин, — цветы вредно держать в комнате. Они выдыхают углекислоту и поглощают кислород. Им дай волю, они могут свободно задушить человека. Мужчину, который посылает девушке цветы, по моему, надо судить за покушение на убийство.

— Какие глупости! Я бы на месте судьи такого мужчину всегда оправдала.

Тут в комнату стремительно и неожиданно, как всегда, ворвалась Наташа, Варина подруга по цеху, прозванная «пулеметом» за манеру говорить быстро и непрерывно.

— Здравствуй, Варюша, — затараторил синеглазый «пулемет». — Привет, ребята. Варюша, дорогая, у нас завтра политзанятия отменены, лектор заболел, пойдем в оперу, я достала билеты. А цветочки еще стоят? Мои тоже. Ребята, правда замечательные цветы? Это нам, девочкам, лучшим ударницам, третьего дня завком преподнес. Мы приходим в цех, а у наших станков стоят букеты. Мы прямо ахнули, вот здорово придумали. От вас-то не дождемся цветочков, так хоть в завкоме побалуют.

— Устарелый аппарат, — сочувственно откликнулся дежурный техник. — Целых четыре месяца тому назад вышел. Купите КДК-3.

— А он хороший?

— Помилуйте. Почти как ПСТ-2, который мы к марту выпускаем. А ПСТ-2, ого!

— Замечательный?

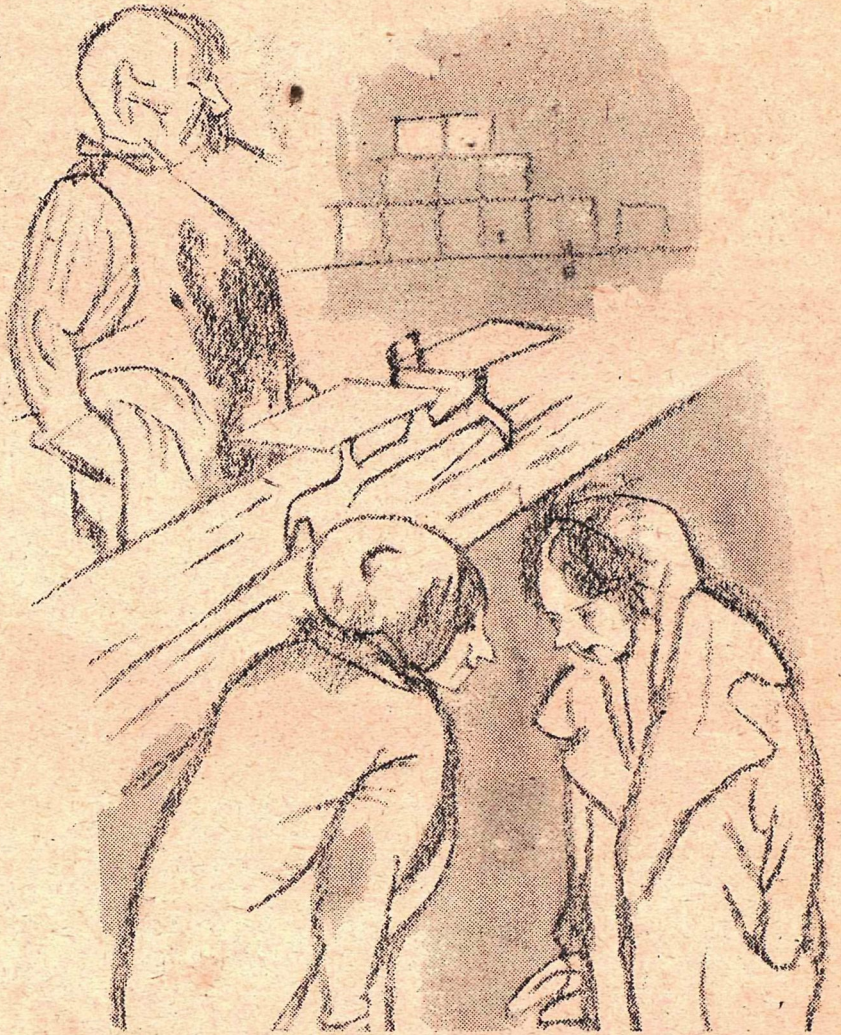
— Почти как ЛРД-5, который к июлю выпускаем.

Я понял, что мне не угнаться за радиотехникой.

— Скажите, а что мне делать с моим РПФ-2?

— Попробуйте слушать Москву. Многие не нахвалятся.

Я стал слушать Москву. Уже в первый вечер я с искренним удивлением заметил, что через Козловского не пробивается Барсова, и Качалов читает самостоятельно, а не в компании с хором Пятницкого. Без предварительной трамвайной давки и последующего ожидания калош я слушал хорошие оперы. В теп-

— Сельдей нет, а от продавца сельдкой так и несет. В чем дело?

— А это у них месяц тому назад сельди были.

— Мне пора, — вдруг сказал Вася Малюткин. — До свиданья, Варя.

... В цветочном магазине воздух был душный и плотный. Люди, приходящие в магазин, чувствовали на своих губах сладкую испарину растений.

— Вот этих срежьте, синеньких, — говорил Вася Малюткин хорошенькой продавщице. — И этих желтеньких подкиньте. Так. Теперь белых.

Когда букет был готов и деньги заплачены, Вася услышал за спиной знакомый голос.

— Нет, желтых не надо, желтые это, говорят, — измена. Дайте побольше белых.

— Человека, который посылает девушке цветы, нужно судить за покушение на убийство, — сказал Вася Малюткин.

— Человек, доказывающий свою любовь таким прогнившим способом, как преподношение цветов, — просто смешон, — ответил Петя Синецкин.

Они вышли из магазина вместе. Астры, завернутые в бумагу, они несли в вытянутых руках, осторожно, как хрупкую хрупкую вазу.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

рых туфлях и с папиросой в зубах я стал слушателем симфонических концертов и приезжих гастролеров. Жизнь начала улыбаться.

Через декаду я встретил своего приятеля. Последние несколько дней он терял силы на поимке Копенгагена, где осваивали на саксофоне как классическое наследие «У самовара».

— Ловишь? — с товарищеским сочувствием спросил я.

— Ловлю, — вздохнул он. — Еще несколько вечеров — и готово. А ты?

— Слушаю Москву. Замечательная слышимость и недурные программы.

— Ты знаешь, — после некоторой паузы сказал он, — попробую и я поймать этот город. Я уже подумывал об этом.

И по человеческому блеску, мелькнувшему у него в установленном взгляде, я понял, что навел его на правильную мысль.

АРК. БУХОВ

ВОСПОМИНАНИЕ

(Рассказ)

За долгий путь многие рассказывали свои встречи с женщинами. И он, сосед по купе, тоже рассказал про то, как он подружился в поезде с девушкой десять лет назад. Было это так. Он тогда — медлительный, туго соображавший парень (в это можно легко поверить, потому что и сейчас он был медлителен и туго соображал, несмотря на то, что был не плохим инженером: например, когда он рассчитывался в вагоне-ресторане или расплачивался с носильщиком, то низко наклонял голову, оттопыривал нижнюю губу и был похож на человека, решающего головоломную задачу) — пошел на вокзал и оставил на перроне свою корзину на попечение пассажира. Долго пришлось ждать поезда, и многие уже успели перезнакомиться. Должна была начаться посадка в теплушку. Когда он вернулся с вокзала, на его корзинке сидела девушка лет девятнадцати с внимательным, энергичным, не очень красивым но приятным лицом, скромно одетая в белую чистую блузку и черную юбку.

— Чего же вы на мою корзину сели? — сказал он ей.

Она встала, извинилась и весело, хотя и без улыбки, сказала:

— А что ей станется, вашей корзинке?..

Поезда еще не было. Поговорили. Выяснилось, что она едет на юг, домой, на каникулы, а учится в художественной школе. Он ехал в Ростов.

— Давайте переседем хотя бы в жесткий вагон, — предложила девушка. — А то в теплушке ехать...

Он задумался:

— А как же это сделать? Ведь билеты выданы в теплушку?

Она (с приятным оживлением и энергией):

— Что ж такого? Надо поговорить.

— С кем?

— С кондуктором. Пойдите, поговорите.

Стоило посмотреть на него сейчас, через десять лет, чтобы легко понять, что он не был способен на то, чтобы пойти хлопотать, говорить с кондуктором...

— Ну тогда я поговорю, — сказала она.

Пошла, поговорила и добилась. В ее руках, приятных и живых, были два билета — рядом, в жестком вагоне.

— Надо доплатить по четыре рубля...

Он смутился:

— Но у меня нет денег... У меня всего рубль.

— Ничего, — сказала она, — у меня есть, я доплачу.

— Нет, зачем же, не стоит... С какой стати...

Но она дышала простотой, теплой и этой милой живостью и энергией.

— Пустяки...

Пошла, уплатила и вернулась. Вскоре подошел поезд. Сели. Она достала хлеб, еду. Ему было опять очень неловко, но она заставила его есть. Он ел. На какой-то станции тоже купил что-то на свой рубль — и при этом чуть не отстал. Бежал с рыбой по кособогу, еле вска-

рабкался на ступеньки тронувшегося вагона...

Разговорились. Подружились. Она ехала в отпуск к брату, у которого большая квартира в несколько комнат. Смеялась, шутила, и чем больше он смотрел на нее, тем больше чувствовал ее живость, эту свойственную ей предприимчивость.

— Знаешь что, — предложила она ему внезапно. — Поедем ко мне в гости!.. Я тебя познакомлю с братом. Он хороший человек. Комната есть свободная, поживешь немного.

Опять головоломная задача: как решиться (и теперь его лицо было нерешительным, каким же оно было тогда)? Колесился: хорошая девушка! И не только он ей пожимал руки, но она раза два сжимала его пальцы и улыбалась при этом лукаво и весело. Как же быть?..

— Поедем, — просто сказала она. — Ну что тут особенного? Поживешь дней восемь и уедешь.

И он, тяжелодум, поехал. Оживился невероятно и даже пытался целовать ее в потемках. Она, ласково смеясь, мягко отстраняла его, но похлопывала по плечу и несколько раз погладила по голове.

Приехали. Все было так, как она сказала. Брат. Хороший человек. Большая квартира. Все правильно.

Приняли молодого парня хорошо. Только теперь, через десять лет, он понял прелесть всего этого. Что-то шумело в голове от неслыханных ощущений. Он волновался и дрожал. Он целовал ее, жал ей руки, не спал всю ночь. Ждал чудес. Но никаких чудес не было. Ночью она не пришла к нему, а утром кричала из-за двери: «Вставай живо, эй! На лодке покатаемся!» И хлопала чем-то по двери, повидимому, полотенцем. Поташила его на реку, уже залитую солнцем, до половины заросшую водяными лилиями, посадила в лодку и гребла широкими движениями, уже совсем новая, улыбающаяся и еще более оживленная, чем в вагоне, белозубая, милая, энергичная и ласковая.

— Плавать умеешь?

...И теперь, глядя на него, можно было твердо решить, что он не умеет плавать...

— Не умеешь? Ну тогда я тебя сейчас утоплю...

И она начала раскачивать лодку и шалить, но сейчас же прекратила это, так как, несомненно, лицо парня стало выражать ужас...

(В это легко можно было поверить, глядя на него и сейчас)...

Восемь дней он жил у нее. Они читали вместе, гуляли. Она познакомила его со своими друзьями, товарищами. Он ходил за ней, как лунатик (это сравнение, сделанное им, было правильно. И сейчас он моментами, даже в купе мягкого вагона, был похож на лунатика). Он не помнит, о чем говорили, как сверкающе неслись часы, как он хватал ее при всяком удобном случае и пытался целовать, а она, все так же мягко отстраняя его, брала в свои руки его лицо и, прищурившись и дурачась, спрашивала: «Что такое? В чем дело? Что случилось?» И хохотала.

Наконец он уехал. Разумеется, она провожала его. Она махала платочком, смеялась и один раз сказала ему: «Пиши».

Но он не писал ей. Все десять лет не писал. Почему?

Стоило только взглянуть на него, чтобы догадаться, что он сам не знает почему...

— А где она сейчас? Знаете?

Это он знал. Она в Москве. Она не художница, а архитектор. Член партии. Деятельная общественница. Ее любят, уважают. Когда он изредка встречается с ней, такую милую и живую, то холодеет и грустит...

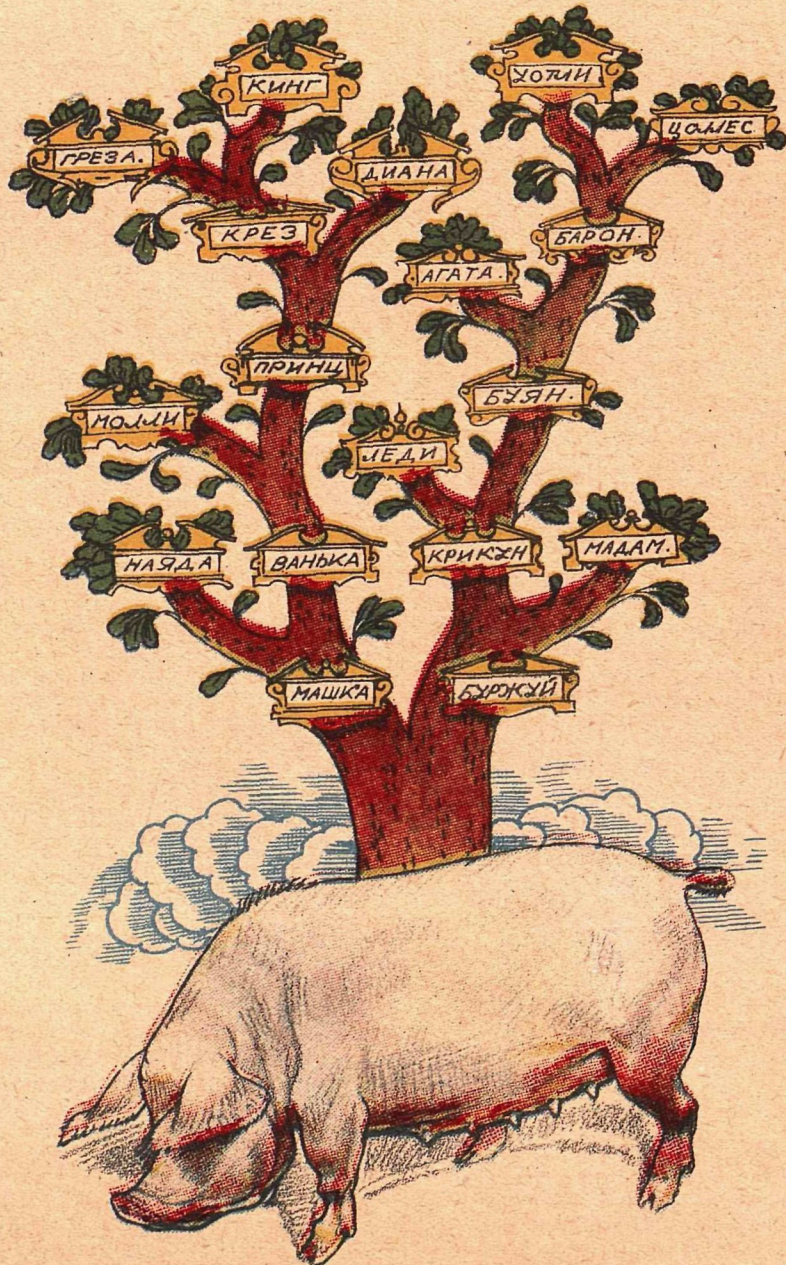
— Какая чудесная! — сказал он с непривычной для себя горячностью и глубокой искренностью... — А я...

Но об этом он мог не говорить. Кто он по отношению к этой девушке, — было с предельной очевидностью ясно...

СВИНЬЯ ПОД ДУБОМ (РОДОСЛОВНЫМ)

Рис. А. Топинова

Наконец в органах Наркомзема заводятся специальные книги племенного скота.

СВИНЬЯ:—Вот такой дуб я подрывать не буду!

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ

КОНКРЕТНО О ТАНЦАХ

(Справка для будущего историка)

Значит, так.

Первыми в квартире вкусили от заманчивых наслаждений современного танца экономист-консультант-референт-депермент двух учреждений тов. Фисаков с женой. Именно у них в комнате впервые зашипел патефон, и по 10 раз на день слышалось теперь уже устаревшее: «Их юсе ирен Хунд, мадам» (русский перевод: «гражданка, я целую вашу собачку»). Прочие жильцы тогда еще презирали и патефон и танцы, к Фисаковым стали относиться сухо, как, мы бы сказали, к чуждovатому элементу. Фисаковы отвечали ироническим равнодушием: так отзываются культурные люди на суеверия дикарей.

И вдруг в лагерь танцующих перешел один из столпов квартиры: военный служащий тов. Вострокнутов. Товарищ Вострокнутов тоже с женой стал посещать танцевальные вечера в своем клубе, и однажды изумленные соседи услышали, как из его комнаты захрипел голос, — нет, вы только подумайте! — голос самого Утесова:

— А вы мне не узнали? Я жье жь топ со смыком.

Теперь у Фисаковых и Вострокнутовых появились общие интересы. Выяснилось, что чета Вострокнутовых — чета счастливая, потому что они отлично станцевались и могли бы рассчитывать на приз за вальс-бостон. А у Фисаковых были огромные разногласия по поводу крестового шага; на этой почве гражданка Фисакова три раза плакала и сутки не разговаривала с мужем.

А уже лагерю танцующих в квартире шло новое, мощное подкрепление: семья научного работника, руководителя кафедры в одном из вузов Брыкмана. Активно в пляски включились жена Брыкмана (45 лет) и сын ее Харичка (умерщительное от Харитон). Но в этой же семье наметился непримиримый враг и вредитель танцев: собака кличкой «Пуфик» — в молодости фокс, а теперь, вследствие ожирения, скорее бульдог. Несмотря на тучность, Пуфик сразу и крайне энергично выступал против танцев. Стоило только завести патефон и кому-нибудь стать в позу для танца, Пуфик кидался в атаку, рыча, как бормашина. Убытки этот четвероногий Савонарола причинял страшные: он рвал на танцующих обувь, чулки, платье, кусал ноги, руки, зады и даже умудрился укусить одну гостью подмышку.

Больше всех пострадал некто Николай Аскольдович Мушнер, знаковый Брыкманов, молодой человек огромного танцевального дарования и патефонной эрудиции. В патефонных пластинках Мушнер — просто дегустатор. Стоит только поставить любую пластинку и дать ей пошипеть под иглой секунды три, как Мушнер еще задолго до первых тактов мелодии объявляет:

— А... это — «Целую рончки!»

или — Это же — «Маненька Манон». Поставьте лучше другую сторону: там интересный переход один...

Этого гения Брыкманов пригласили как эксперта, и ему-то аскетический пес в шестнадцати местах разорвал заграничные брюки фасона «гольф».

Затем приобщилась к танцам работница завода Мосбулавка Аня Вязыкина. Разведясь с мужем, она занимала в квартире маленькую комнату, где и проживала совместно с двухлетним сыном Юрочкой. Уходя на танцевальные вечера в клуб, она иногда просила соседей присмотреть за ребенком. Мальчик так привык к этому, что вскоре на вопрос «где мама» в любое время дня отвечал, солидно посапывая:

— Уша дунзювадь (ушла танцевать).

А тут еще была кем-то прочитана открытка, пришедшая в адрес самого сановного и важного обитателя квартиры — председателя треста Куцпром тов. Жбанича. На открытке значилось:

«Ув. тов. Доводится до в/сведения, что следующий урок западных танцев состоится 7-го с/м., ваша явка обязательна, и в случае отсутствия вы будете занесены на черную доску и подвергнуты штрафу».

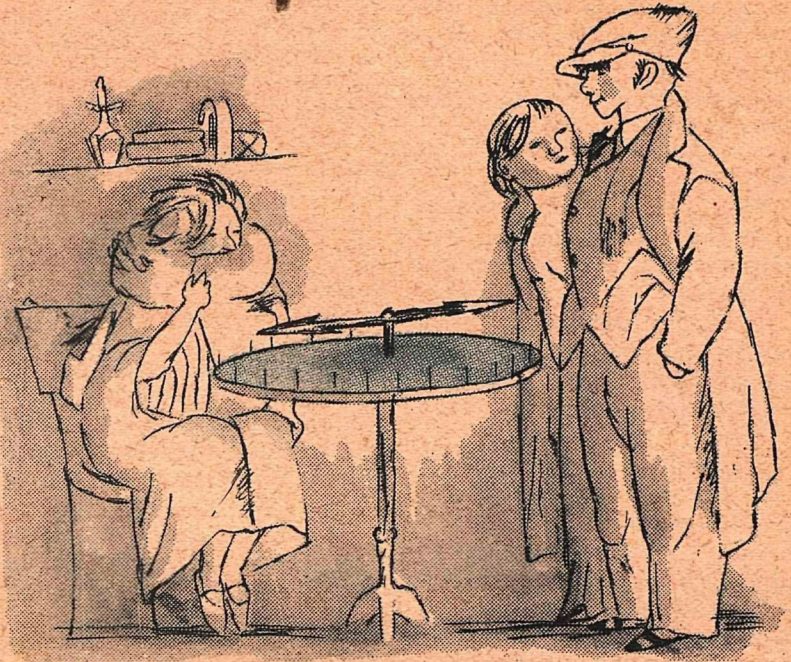
(Любят у нас редактировать посуровее самые мирные дела).

Все ахнули, но потом решено было, что открытка эта — недоразумение, обычная шалость почты. Однако через три дня кто-то из жильцов открыл дверь в ванную (дверь не запиралась), а там стоял председатель треста Куцпром тов. Жбанич с полотенцем через плечо и, глядя себе под ноги, воспроизводил фокстротное па, известное в кругах специалистов под названием «лесенка». И главное: увидав соседа, тов. Жбанич не остановился, а продолжал плясать.

К этому времени и на кухне обычные беседы стали затрагивать танцевальные вопросы. Однажды, когда Аня Вязыкина, открыв кран, наполняла водой большую кастрюлю, дискуссия приняла такой острый и оживленный характер, что Вязыкина не выдержала и сама стала показывать, как надо танцевать танго. И показывала до тех пор, пока из противоположного конца квартиры не прибежала проживавшая там старушка-пенсионерка Никитишна, крича:

СПРАВЕДЛИВОЕ ОПАСЕНИЕ

Рис. Л. Соифертиса

— Ты что же не сыграешь, Вася?
— А вдруг карандаш выиграю.
— Ну так что же?
— А вдруг карандаш с нашей фабрики окажется...

— Затопило! Плаваем! Тонем! Валенки сей минут уплыли во двор!!

И действительно, по всей квартире журчали мощные ручьи, вытекавшие из переполненной давно уже кастрюли.

На другой день после этого выяснилось, что танцевать научилась студентка педтехникума Верочка Охрименко (в клубе техникума) и ее мать Анна Косьюдемьяновна, домашняя хозяйка (вечер в красном уголке жакта). Уже на кухне стали делиться такими сновидениями:

— А мне нонче снилось новая па для блюза. Сперва будто я танцую блюз с нашим дворником Егором Ивановичем, и все мы простые пы делаем. А потом меня будто осенило, и я придумываю такую пу. Значит, отходишь от партнера на два шага и обе ноги подымаешь от земли, ну, так на четверть метра...

— Позвольте, а стоять на чем?

— Ах, верно! Это я упустила... А во сне так хорошо вышло, красивая такая па...

Танцовали уже во всех комнатах. Брыкмановский фокс Пуфик похудел, как после Кисловодска, и психически заболел.

Впрочем, ряды врагов танца пополнялись. Единый фронт с фоксом поддерживал тринадцатилетний Женя, сын Жбанича, который плакал, уговаривая отца, что танцы надо «бросить на фиг», что «настоящие люди не пляшут», и т. д. Но Женя добился только того, что всплывший отец в наказание отнял у него билет в цирк и альбом с марками (на три дня).

Еще возражали против танцев паническая старушка Никитишна и проживающий с нею ее внучатный племянник Митя. Девятнадцатилетний Митя, собственно, был за танцы, но он принимал в них такое горячее и корявое участие, что объективно вредил. Стоило Мите услышать звуки патефона, как он с веселым ржанием мчался по направлению к ним, приговаривая на своем странном языке:

— Лясь-лясь, плясь-плясь, фокс-мокс.

Затем он притоптывал ногами в такт музыке, а утомившись, садился и хватал за ноги танцующих. К этому времени обычно попевает фокс Пуфик: его запирают в начале танца, но он все-таки прорывается. Иногда еще плачет Юрочка Вязыкин. Но в квартире танцуют.

На днях Пуфик зарычал и заскулил в 7 часов утра — непреклонное указание на то, что в квартире танцуют. Пес бесновался до тех пор, пока население квартиры не сбежалось на кухню. Там упражнялись в новом для них искусстве танцев домашние работники Фисаковых и Брыкманов: накануне в группоме домработниц был вечер.

Ветеринар сказал, что Пуфик скоро сдохнет в виду переутомления нервной системы.

В. АРДОВ

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Будь добр, сообщи, на кого рассчитан фильм «Чапаев»? Ты скажешь, что этот замечательный фильм должны увидеть все без исключения трудящиеся нашей страны.

Местком Борисоглебской конторы «Заготзерно» придерживается совершенно иного мнения.

Местком организовал коллективную закупку билетов на просмотр «Чапаева». Билеты выдавались только... женатым.

Холостяки были поставлены в тупик. Неужели специально жениться?

Ты легко можешь себе представить, дорогой Крокодил, что произойдет, если все, желающие попасть на «Чапаева», должны будут жениться. Хватит ли загсов? Обеспечены ли загсы обслуживающим персоналом, чтоб удовлетворить возросшие запросы масс? Выясни все это и поставь нас в известность.

Н. ГРОМ,

Борисоглебск.

Дорогой Крокодил!

Разрешите рассказать твоим читателям об одном любопытном факте. Место действия — Одесса.

«Oh, donna Klaga»... — приветливо звучал мягкий баритон, и звуки ласкового голоса наполняли все уголки огромного вокзального здания. Так бы стоять и слушать, не двигаясь с места. Но жизнь зовет...

— Алло, алло, — звучит из микрофона другой уже менее приятный голос, — алло, поезд № 12 Москва—Одесса отходит с опозданием.

Легкое волнение среди пассажиров:

— А на сколько опаздывает?

— Неизвестно. Вчера отошел вместе 8.35 в 10.40.

— Ну вот, я тебе говорила, куда ты торопишься, вечно, как на пожар.

— Ну, я иду побриться. Ты где будешь, Маруся?

— Ольга Николаевна, сейчас 8.20, пойдем закажем поужинать, в составе ресторана нет, я уверен.

Итак понемногу все примиряются с опозданием, все находят себе дело. Баритон из микрофона тут как тут всту-

пает ласково и вкрадчиво: «Под небом знойной Аргентины, под звуки танго, милый, я люблю тебя»... И уж не так холодно кажется на одесском вокзале и светлее и чище. Но снова врывается неумолимый голос:

— Алло, алло. Сейчас начинается посадка на поезд № 12 Москва—Одесса. Товарищи пассажиры, занимайте места. Поезд отходит вовремя — 20.35. До отхода поезда осталось пять минут. Вход только со второй платформы. Товарищи пассажиры, будьте культурны. Не толкайтесь в проходе, соблюдайте дисциплину. Места обеспечены.

Действительно, места были обеспечены, даже слишком: Ольга Николаевна не могла выбежать из буфета — официант требовал деньги за заказанный ужин, кое-кто посылал телеграммы, Маруся рыдала в парикмахерской. Поезд плавно отходил от дебаркадера, быстро оставляя позади бегущих за ним чудаков. О, Донна... Клара... О, головоунытие на одесском вокзале. О!..

З. РИЦОВА.

Одесса.

Дорогой Крокодил!

Спешу тебя информировать, что в годовщину Октябрьской революции в городе Улан-Удэ (бывший Верхнеудинск) сотрудники Института культуры устроили банкет.

Не приукрашивая, надо признать, что банкет действительно прошел на славу. Пили много и настойчиво. Что особенно важно подчеркнуть: это было не беспредметное питье, нет, каждый бокал вина сопровождался идеологически выдержанным тостом за процветание культуры.

Тостов было произнесено так много, что к утру пришлось вызвать милицию, которая арестовала всех перепившихся культурников.

Узнал об этом банкете областной союз кооперации и госторговли. Долго ломал себе голову председатель союза Бадарханов, подыскивая подходящий, благопристойный повод для организации банкета, но ничего не смог придумать. Помог случай. В это время в Улан-Удэ подоспели резолюции ВЦСПС о разукрупнении профсоюзов.

И 30 ноября состоялся бан-

кет по случаю разукрупнения союза на две самостоятельные профессиональные организации — работников кооперации и торговли.

«Торговцы» и «кооператоры» прощались умирительно и нежно. Это был очень трогательный банкет. Вино и слезы лились рекой. Участники банкета клятвенно заверяли друг друга, что вовек не забудут былой плодотворной работы по профсоюзной линии.

Дорогой Крокодил, надеюсь и ты не забудешь банкетчиков из Улан-Удэ и, когда выступишь вторым дополненным изданием свою Крокодилскую энциклопедию, снабдишь раздел «банкеты» фактами из Улан-Удэ.

РОМАН ВЕСЕННИЙ,
г. Улан-Удэ.

Дорогой Крокодил!

Наш Алексинский райпотребсоюз в течение всего 1933 года бесперебойно снабжал население ламповыми горелками.

Потребители были очень довольны. Неприятно только было смотреть, когда фитили коптели без стекол.

Но в следующем году райпотребсоюз исправил свою ошибку: на протяжении всего истекшего года потребитель забрасывался ламповыми стеклами. Но зато, как ты сам догадываешься, в этом году райпотребсоюз не мог предложить покупателю ни одной горелки.

Не находишь ли ты, дорогой Крокодил, что такая за-

бота о потребителе ничего общего не имеет с культурной советской торговлей?

Очевидно, все это происходит потому, что работники райпотребсоюза любят сказки. Даже печальную историю со стеклом и горелкой они превратили в сказку о журавле и цапле.

Г. ЛУКОВИЦА.

г. Алексин, Моск. обл.

Дорогой Крокодил!

За ударную работу я премирован 20 руб. Только вот получить их оказалось труднее, чем заработать.

Пять дней я ходил за этими деньгами и только на шестой день получил разрешение вместо денег набрать товаров на эту сумму в нашем рабкоопе.

В рабкоопе мне предложили взять без выбора только гороховые консервы и детские чулки.

Поверишь ли, дорогой Крокодил, как я был вознагражден за все шестидневные мытарства. Больше того, я был расстроган: в простых чулках таилась чуткая забота о здоровье моего будущего потомства, чтобы оно не подхватило насморка, бегая без чулок.

Уходя из рабкоопа с пустыми руками, я все же просил отложить для меня чулочки: настанет же такой момент, когда я женюсь и у меня родятся дети. Придется тогда зайти за чулками.

КОЧЕТОВ.

Некрыловский комбинат, Воронежской обл.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПАЮТ В ПРОДАЖУ ПЕРВЫЕ ВЫПУСКИ

САТИРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ КРОКОДИЛА

БОРИС ЛЕВИН—„Он говорит, как пишет“. Иллюстр. худ. В. Козлинского.

И. ИЛЬФ, Е. ПЕТРОВ—„Чудесные гости“. Иллюстр. худ. Н. Ротова.

АРК. БУХОВ—„Развязанные узелки“. Иллюстр. худ. Ю. Ганфа.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПАЕТ В ПРОДАЖУ САТИРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ КРОКОДИЛА

„ПАРАД БЕССМЕРТНЫХ“

В альманахе:

МИХ. КОЛЬЦОВ—„Кто смеется последним“.

АРК. БУХОВ, В. КАТАЕВ, Л. НИКУЛИН—„Литфак на дому“.

Рассказы и фельетоны:

В. АРДОВА, Е. ЗОЗУЛИ, И. ИЛЬФА и Е. ПЕТРОВА, Г. РЫКЛИНА.

Пародии и эпиграммы:

А. АРХАНГЕЛЬСКОГО и М. ПУСТЫНИНА.

Шаржи, карикатуры и иллюстрации художников:

Б. АНТОНОВСКОГО, Л. БРОДАТЫ, Ю. ГАНФА, БОР. ЕФИМОВА, КУКРЫНИКСЫ, Н. РОТОВА, Л. СОЙФЕРТИСА, М. ХРАПКОВСКОГО, М. ЧЕРЕМНЫХ.

ПЕДАГОГ С НОЖНИЦАМИ

В городе Калинин, в местной школе-семилетке, заведующий гр. Истратов пошел войной на волосы. Неизвестно, чего добивался упомянутый мужчина: то ли, чтобы девушки из старших классов приходили на уроки лысыми, или еще чего-нибудь более оригинального, но во всяком случае по его распоряжению ученицы должны были обрезать косы.

— Я не позволю в советской школе процветать предрассудкам! — злое распорядился

Истратов, и в воздухе зереяли ножницы.

Более покладистые ученицы остриглись. Более упорные оставили на головах предрассудки и вступили в борьбу с Истратовым. На чьей стороне победа, нам еще неизвестно.

Надо полагать, что ученицы не сдадутся. Ведь советская школа — это не американские прерии майнридовских времен, когда победитель мог радостно и торжественно потрясать скальпами своих врагов...

АССОРТИМЕНТ БЕЗОБРАЗИЯ

Недавно в «Правде» была помещена статья о том, в каком безобразном состоянии у нас зачастую находятся здания нарсу-дов.

В качестве любопытной иллюстрации двустороннего голово-тыпства в этой области приводим здесь документ, подписанный нудинским (Вост. Сибирь) нарсудьей и посланный прокуратуре:

«С получением сего сообщая: дела ваши и наши лежат не разобранные лишь только потому, что ваш суд не отоплен с 11/ХП—34 г. Райсполком не дает дров, и пока дров не будет — разбирать нельзя. В здании суда замерзла даже чернилка, не только люди, сидящие в здании. Канцелярия работает на дому, придет, возьмет работу и уйдет домой. Как выходить из положения, не знаю.

Нарсудья ШЕРВАКОВА».

Мы желаем от всей души удачи и той и другой стороне: и чтобы суд начал работать в тепле, и чтобы райисполкомовцы оказались в теплом помещении первыми же подсудимыми за безобразное отношение к советскому суду.

СТОЛИК

Литературный кружок совхоза «Циммервальд» (Одесский округ) послал письмо в Москву писателю Максиму Горькому.

Письмо, конечно, вернулось обратно. К нему, конечно, была

приложена справка Московского адресного бюро:

А. М. Горький не значится.

От каких бы то ни было комментариев отказываемся.

ИЗ МИРА ТВОРЧЕСТВА

Ужасная это вещь, когда хочется творить, читатель! Некоторые люди в такие моменты умудрялись создавать неплохие картины и поэтические произведения, некоторые выдумывали паровозы, а некое существо, как об этом подробно рассказывается в библии, под влиянием творческой минуты сотворило и небо, и землю, и нас грешных.

Но вряд ли кому-нибудь известно, что можно натворить в одном открытом письме, если уж действительно подошла такая океанная минута. А между тем не так уж много для этого требуется. Нужно только обладать властью сельсовета и ничем не сдерживаемой фантазией.

Обладая этими условиями, Грязновский сельсовет Называевского района (Западная Сибирь) послал допризывнику Урбану, рабочему 116-го околотка второй дистанции пути Омской ж. д., открытое письмо, в котором в следующих выражениях и следующим образом приглашал его явиться на допризывный пункт.

Тов. Урбан!

19 числа декабря м-ца вы обязаны явиться в с/сов. в 12 час. дня. Должны при себе иметь на 15 дней продуктов питания: муки — 12 клгр., мяса 3 клгр., масла 750 гр., овощей 12 клгр., а также обязаны представить дров в Называевский в/городок 0,5 куб. метра.

К этому числу вымойся в бане, остриги волосы. Имей хорошую зимнюю одежду, постельную принадлежность и предметы личного обихода, одну пару запасного белья.

За неявку к указанному сроку вы будете привлечены к уголовной ответственности.

Подпись.

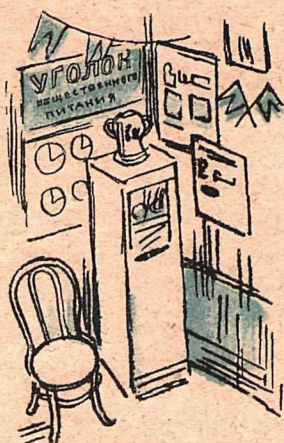
Приславшие нам это ценное творение товарищи, охваченные энтузиазмом, спрашивают: но почему же сельсовет остановился на полдороге? Почему он не потребовал от т. Урбана захватить с собой кровать, стол и обычный разборный дом стандартного типа?

Ничего этого не надо, товарищи. Вообще, т. Урбан мог ничего из перечисленного с собой не брать. Единственное, что ему нужно было захватить с собой, это термометр, посредством которого можно было бы смерить температуру работников сельсовета.

Тогда бы многое разъяснилось!

ИСПРАВЛЕННАЯ И ДОПОЛНЕННАЯ ПОСЛОВИЦА

Рис. Л. Генча

Не красна изба уголками (общественного питания), а красна пирогами, батонами, калачами, баранками и т. д.

ГУСЕУБИЙЦЫ

Мы — за гусей. И не подумайте, что по каким-нибудь плотоядным соображениям только за жареных, начиненных яблоками или в холодном виде. Мы за живых, полных энергии, веселых гусей, которым тоже должно быть место на земле. Поэтому с чувством тайного ужаса и открытого протеста помещаем следующий документ:

Гр-ну селения Гуниб, Гунибского района, Дагестанской АССР, БАЛДАЕВУ.

Гунибский поселковый совет категорически предлагает Вам имеющихся у Вас гусей в 3-дневный срок продать, зарезать или вообще уничтожить. В случае неисполнения будете оштрафованы

в сумме 25 рублей за каждый день. 12/ХП—34 г. Пред. поселкового совета ГАСАНБЕК.

В чем же дело? Оказывается, по авторитетному разъяснению председателя поселкового совета тов. Гасанбека, «гуси портят воду в ручье, из которого пьют, и тем самым угрожают человеческой жизни».

Конечно пышная человеческая жизнь ценнее, чем скромная гусиная. Но что, если из этого самого ручья начнут пить коровы? Что с ними сделает суровый Гасанбек: тоже уничтожит или просто переведет их на ситро и гакао для утоления жажды?

ДАВАТЬ ТАК ДАВАТЫ!

Не вывелись еще широкие русские натуры на периферии. Есть еще порох в пороховницах! И показывают эти широкие натуры небывалый размах в самой неожиданной области. Так

в г. Сальске (Аз.-Черн. край), насчитывающем до 8 тыс. жителей, горсовет отвел под новое кладбище 40 гектаров земли.

Мы ничего не можем возразить по поводу того, чтобы при городе было кладбище. Но зачем же устраивать город при кладбище?

Хорошо еще, что Сальск находится в Европе. Находясь он в Азии, горсовет непременно отвел бы под кладбище пустыню Гоби или Шамо.

В ПРОЦЕССЕ ОБАЛДЕНИЯ

Всякое знание, конечно, полезно. Посмотрите внимательно на этот список прямо-таки необходимых в быту и в семье знаний:

ГЛАВА II. КАК ОБРАЩАТЬСЯ С НОВОРОЖДЕННЫМ.

Помещение для роженицы. Глупые поверья повитух. Польза от акушерки или подучившейся бабки. Во что принимать новорожденного. Перевязка пуповины. Возбуждение сил слабого новорожденного. Очищение и омовение тела ребенка. Перевязывание пупка. Мытье роженицы и ребенка. Покой родильницы и новорожденного.

Откуда эта широкая программа специальных сведений? — спросит изумленный читатель. — Учебная программа акушерских курсов? Мемуары повивальной бабки с красочными иллюстрациями и суперобложкой?

— Нет, — тактично заметим мы, — это из книги, выдаваемой 9 — 10-летним ученицам из библиотеки Карачевской школы № 6 для чтения.

Не завидуем мы юным читательницам такой библиотеки. И еще меньше библиотекарям после помещения этой заметки. Тут уже простым перевязыванием пупка не отделаешься!

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Редколлегия: Л. ГИНЗБУРГ, В. ЕРМИЛОВ, Б. ЛЕВИН, Л. РОВИНСКИЙ.

Рукописи не возвращаются.

Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 48. Тел. 1-50-55; 5-53-48. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена на журн. — 1 р. 20 к. в м. ● Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Москва. Изд. № 87.

Сдача текста и рисунков 13/1-35 г.

Подпись к печати — 26/1-35 г. Статформат А9—220×333.

Печатных листов 3. Количество знаков в 1 печ. листе 120.000

Уполномоченный Главлита № Б—1776.

2-й филиал тип. газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, Сушевский вал, 49.

Зак. № 22. Тираж 300.000

— Вернись! С ума ты сошел, что ли? В баню собрался! Ведь ты там замерзнешь!!!

К. Р. 35.